

Московская область, Г.о. Подольск

Муниципальное общеобразовательное учреждение «Гимназия № 7»

«Дальше – тишина...»

Ученица 11 ХБ 1 класса

Кравченко Софья

Научный руководитель: Сергеева Ирина Вячеславовна

учитель русского языка

ДАЛЬШЕ – ТИШИНА...

Обратившись к стихотворению Владимира Набокова «Поэты», невольно задумываешься о судьбах русской послереволюционной эмиграции. Гиппиус и Мережковский, Ходасевич и Цветаева, Бунин, Куприн, Набоков... « Уж сколько их упало в эту бездну, разверстую вдали», - во тьму «беззвездной ночи», «беззвездной муки», испытываемой людьми, вынужденно покинувших Россию, оказавшихся в тисках одиночества изломанной судьбы. Некоторые возвращались: вернулся Куприн, чтобы умереть на родине, Цветаева, трагически поставившая точку, затянув елабужскую петлю... Владимир Набоков был тем русским писателем, который закончил свой творческий путь в конце 30-х годов XX века. Ведь в 1941 году с выходом в США его первого англоязычного романа родился новый автор Wladimir Nabokov, может быть, самый успешный прозаик из всей эмигрантской писательской среды. Но это произошло спустя три года. А сейчас стихотворение «Поэты». О чем оно?

Казалось бы, русский писатель – продолжатель пушкинской, лермонтовской традиции в подходе к вечной теме назначения поэта, голос которого должен звучать, «как колокол на башне вечевой, во дни торжеств и бед народных». Но нет, совсем иное высвечивается в этом произведении Набокова. Тема ухода, тема конца, тема «последних стихов». Она сразу врывается в горькое исповедальное высказывание, опираясь на ключевые слова: троекратно повторенное наречие «пора» сопровождается глаголами «уходить», «уйти» («Пора, мы уходим...», «...пора нам из мира уйти»). Так у читателя создается впечатление, будто это прощальные стихи, которые автор определяет метафорическим эпитетом «фосфорные рифмы», видимо имея в виду с трудом заметное свечение еще теплящегося в их строках желание творить.

Мотив утраченного вдохновения звучит на протяжении всего стихотворения, возникая уже в первой строфе:

Из комнаты в сени свеча переходит
и гаснет.

С самого начала предвидение печального конца. Ведь свеча – атрибут поэтического вдохновения. У Пастернака в стихотворении «Зимняя ночь» свеча – символ продолжающейся жизни. Она не прекращает своего горения наперекор всем метелям, всем потрясениям («Свеча горела на столе,/Свеча горела»). Но поэт Пастернак из тех, кто не покинул Россию, он на другом берегу; творчество же поэтов-эмигрантов все оторваннее от родных истоков, сияние России становится «чуть зримым». Так в поэтическое высказывание Набокова врывается еще один мотив – мотив потерянной родины и угасающей памяти о ней.

Зачем продолжать творческую судьбу, если нечего сказать, не к кому обратиться? Пора замолчать. Этот трагический для творца вывод – идея стихотворения Набокова, лирический герой которого – обобщенный образ поэта-эмигранта, волею судьбы оказавшегося и теперь задыхающегося в атмосфере душного Запада, где все чужое в изумрудных огнях и «в рыданиях рекламы», где в сумерках летних дети играют в прятки «вокруг и внутри / уборной». Так отозвался о западном мире хаоса и тлена лирический герой, поэт, который не хочет видеть «лунатиков смирных в солдатских мундирах», безвольно исполняющих чужие приказы на пороге Второй Мировой войны. Он больше не может терпеть «всего, что томит, обвивается, ранит». Использованная автором градация помогает читателю почувствовать безысходность и дальнейшую несостоятельность творческого пути.

Но почему же так горек удел набоковских героев? Ведь они еще отнюдь не старые. Пятая и шестая строфы построены по принципу антитезы. Эмигранты Набокова – русские поэты, и они не могут не видеть «всего, что сокрыто от прочих очей», но ни муки, ни прелести мира их больше не трогают: «музы безродные... доконали».

Хочется отметить, что, развивая в своих стихах тему ухода, конца, о которой я уже говорила, в предпоследней строфе В. Набоков вновь

использует градационный ряд, окончательно обозначая особенности перехода лирического героя в иную реальность:

Сейчас переходим с порога мирского
в ту область... как хочешь ее назови:
пустыня ли, смерть, отрешенье от слова,
иль, может быть, проще: молчанье любви.

Пустыня. Образ пустоты, одиночества? Смерть. Физическая смерть? Нет. Наконец, вот оно: «отрешенье от слова». Что может быть для поэта страшнее, смертельнее, чем поэтическая немота, невозможность выразить чувства, умолчать о любви?.. Только о любви к чему или к кому? Каждая строка последней строфы начинается с анафоры «молчанье». В этом молчанье боль от невозможности высказать любовь к «далекой дороге тележной,/где в песне цветов колея не видна...» Конечно, это образ России, отчизны, которая в сердце как отпечаток «любви безнадежной», безнадежной оттого, что поэт, утративший голос, в этой любви не может признаться, а она, отчизна, оставленная им, не захочет поэта услышать, да и не вспомнит о нем.

Следует обратить внимание на лексику, использованную Набоковым. Это разговорные конструкции и слова, которые сообщают естественность и теплоту поэтическому высказыванию, человечность интонации («поди», «доконали», «тележной»). Однако не пренебрегает поэт и высоким слогом («зримом», «вдохновенье», «ныне», «сокрыто», «отрешенье»), что подчеркивает внутреннюю содержательность, серьезность и значительность рассматриваемой темы.

Стихотворение написано редким четырехстопным амфибрахией с перекрестной рифмой. В нем женские рифмы первой и третьей строк чередуются с мужскими второй и четвертой. Это придает произведению мелодичность, плавность, которую поэт сознательно «рвет» в первой и шестой строфах, разрушая естественное продолжение предложения (в первой строфе) и взаимодействие предлогов с существительным (в шестой строфе):

Из комнаты в сени свеча переходит

и гаснет.

...детей малолетних,
играющих в прятки вокруг и внутри
уборной...

В результате такого переноса автор добивается необходимых акцентов на словах, оказавшихся в начале строки.

Обращает на себя внимание и звукопись стихотворения «Поэты». Наиболее интересна аллитерация в последней строке заключительной строфы, где речь идет о «молчанье зарницы, молчанье зерна». От этой зарницы, которая сама по себе должна была бы явиться предвестием грозы, очищения, перемен, ничего не ждешь. Возрождения не предвидится : зерно не даст новых всходов, новой жизни. Такое звонкое созвучие –*зарн-зерн-*стреножено анафорой «молчанье», которая не оставляет никакой надежды. Дальше – тишина...